

Онтологический статус артефактов в современной эпистемологии

Научный руководитель – Гавриленко Станислав Михайлович

Баева Ангелина Викторовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: a-baeva93@mail.ru

Перед эпистемологией Нового времени встала задача обоснования новой науки, соединяющей в себе математику и эксперимент. Отказ от попытки описать науку как целое влечет за собой, с одной стороны, элиминацию проблемы поиска единого основания научного знания, позволяя сосредоточиться на конкретных научных практиках. Как пишет Хакинг, “начиная с семнадцатого века развитие естественных наук - это поле взаимоотношения представления и вмешательства” [10]. Понятие “вмешательства” принципиально для построения науки недогматического типа, которое отстаивает Хакинг: “реальность относится к причинности и наши представления о реальности формируются нашими способностями к изменению мира” [10, с. 158].

Линию прагматического реализма, основанного на концепции “вмешательства” Хакинга, продолжают Л. Дэстон и П. Галисон [3]. Авторы утверждают, что ставшая само собой разумеющейся эпистемологическая категория объективности имеет исторические корни, возникая в тесной связи с изобразительными практиками и технологиями. Природа сама по себе впервые предстает в научных атласах середины XIX века вследствие замещения художественного мастерства фотографией. Фотография же позволила взглянуть на природу непредвзято: она вскрыла неидеальные пропорции, несовершенства и отсутствие строгого повторения форм. Так был провозглашен новый идеал “механической объективности”, который потребовал от ученого полного самоустранения. Теперь природа могла говорить сама за себя. Но эпоха “механической объективности” постепенно эволюционировала в эпоху “структурной объективности”. Языком науки был избран логико-математический язык как подлинно объективный. В XX веке вновь приобретает значимость до сих пор вынесенная за скобки фигура эксперта, обладающего индивидуальными навыками необходимыми для приобретающей все большую научную значимость интерпретации.

Дэстон и Галисон ставят целью, с одной стороны, понять культурную матрицу “объективности”, которая сформировала определенный тип зрительного восприятия, и, с другой стороны, проследить, какое влияние оказали атласы и изобразительные технологии на самоопределение ученого, науку, онтологию и эпистемические практики. Эти исследовательские траектории, в конечном счете, позволяют поставить главный вопрос: кто или что берет на себя ответственность за осуществление перехода от “верности природе” к эпохе “объективности” во второй половине XIX века? Дэстон и Галисон неявным образом создают онтологию “коллективного становления” [9, с. 49], эпистемологической импликацией которой будет, выражаясь в терминах Хакинга, не представление как *врожденное* уже существующего, а вмешательство как *произведение* нового. Здесь мы имеем дело с конструктивизмом, истолкованным в прагматическом ключе: “вторая природа” накладывает онтологические рамки на наши теорию и практику.

В науке Нового времени складывается новый тип познавательного отношения: вмешательство и использование инструментария выступают специфическими особенностями познавательного процесса. Таким образом в Новое время складывается особый тип познания, для которого важную роль начинают играть *артефакты*. Особой областью прагматически ориентированной философии науки, в которой артефакт, выступая одновременно

и смыслом, и фактом, служит порождающим контекстом для формирования онтологий жизненного мира, становится направление “исследования науки и технологий” (STS). Онтологическая природа артефакта несет в себе отпечаток человеческой субъективности, получая от нее же автономность существования: вещи дают отпор и сопротивляются, они предъявляют требования и создают эффекты [7].

В рамках материального поворота ставится вопрос о том, не являются ли сами объекты познания артефактами. Наука становится своего рода фабрикой по производству артефактов. Эксперимент, проводимый в лаборатории с использованием приборов и технологий, уже не просто создает условия наблюдения объекта исследования, но все чаще создает этот объект [4]. Продуктом науки становится не картина мира, а в некотором роде сам мир. Хакинг указывает на принципиальную “сфабрикованность” физических явлений, в прямом смысле не открытых, а изобретенных в ходе эксперимента [10, с. 262]. При этом важно иметь в виду, что создание феноменов становится невозможным без использования специальных приборов. Иными словами, создание артефактов расширяет возможности создания новых артефактов. Латур показывает, как то, что имеет место в лаборатории, отличается от того, что происходит в реальности как таковой: исследование Пастером микроба в лаборатории создает особые условия для получения колоний бактерий и прослеживания закономерности [5, с. 216].

Латур подчеркивает, что экспериментаторы сталкиваются с *сопротивлением* материальных объектов. Но то взаимодействие, тем не менее, так или иначе все же теоретически нагружено. Исследователи добиваются стабилизации практик для получения необходимого результата. В эксперименте отрабатываются приемы стабильного получения определенных эффектов и, как следствие, определенных артефактов. Вследствие материального поворота мы имеем дело со “знанием как”: как произвести те или иные артефакты, как достичь определенного эффекта? При этом эпистемологическая ситуация такова, что сами артефакты наравне с исследователями обладают некоторым неявным “знанием”, которое приобретает особую значимость в практиках повседневности. Говорить, что эксперимент создает феномен, значит понимать под фактом то, что признается таковым в научном сообществе. Признание того, что экспериментальные научные исследования сами *создают* изучаемые ими феномены, меняет постановку центральных эпистемологических проблем.

Источники и литература

- 1) Baird D. Thing knowledge: A Philosophy of Scientific Instruments. – Berkeley, 2004.
- 2) Creations of the Mind: Theories of the Artifacts and Their Representations // Ed. by Margolis E., Laurence S. - N.Y., 2007.
- 3) Daston L., Galison P. Objectivity. – N.Y., 2007.
- 4) Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. – Princeton, New Jersey, 1986.
- 5) Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я изменю мир //Логос 5-6 (35). – М., 2002.
- 6) Латур Б. Наука в действии. – СПб., 2013.
- 7) Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб., 2006.
- 8) Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. Столяровой О.Е. – М., 2012.
- 9) Столярова О.Е. Исторический контекст науки: материальная культура и онтологии // Эпистемология & философия науки. – 2011. – Т. XXX. - № 4.
- 10) Хакинг Я. Представление и вмешательство. – М., 1998.